

СОЗНАНИЕ И КОГНИТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ*

д.пс.н., проф. В.М. Аллахвердов, Е.Ю. Воскресенская, О.В. Науменко

В своей Нобелевской лекции Д. Канеман говорил о «двух общих способах познания - интуитивном, когда суждения выносятся автоматически и очень быстро, и контролируемом, когда решение принимается обдуманно и медленно»¹. С одной стороны, эта идея вполне соответствует обыденным представлениям о том, как мы принимаем решения и действуем. С другой стороны, такое выделение «двух способов познания» связано с одной из наиболее актуальных и обсуждаемых тем в современной когнитивной психологии – проблемой взаимодействия сознания и когнитивного бессознательного.

На вопрос о том, что мы имеем в виду, когда говорим о сознании, психологи дают весьма противоречивые ответы. Примерно так же сложно дать определение и популярному сегодня в когнитивной науке понятию «когнитивного бессознательного». Считается, что этот термин был введён Полем Розиным в 1976 году², хотя Жан Пиаже выступил с докладом «Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное» ещё в декабре 1970 года³. Пиаже пишет: «Познавательные структуры не являются осознаваемым содержанием мышления, однако именно они навязывают мышлению одну форму, а не другую». Под когнитивным бессознательным он и подразумевал структуру или функцию этих внутренних механизмов. В пояснение к своим словам Пиаже предлагает такой пример: ребёнку удаётся бросить шарик для игры в пинг-понг таким образом, чтобы тот отскочил от поверхности стола и вернулся назад. Ребёнок не осознаёт физические принципы, по которым мячик описывает нужную траекторию, но понимает свой успешный бросок «в действии, а не в мысли». Другими словами, это знание приобретается через двигательную и перцептивную активность в обход сознания, имплицитно, то есть благодаря бессознательным структурам, направляющим мышление.

На сегодняшний день под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности. Казалось бы, столь многочисленные эмпирические подтверждения должны были бы убедить психологическое сообщество в широких возможностях неосознаваемой обработки информации. И тем не менее некоторые исследователи предпочитают либо рассматривать перечисленные феномены как методические артефакты⁴, либо интерпретировать их каким угодно способом, но без использования понятия «когнитивное бессознательное». Проблема состоит в следующем: для того, чтобы говорить о существовании когнитивного бессознательного, необходимо не только огромное количество (уже накопленных) эмпирических данных, свидетельствующих о неосознаваемой обработке информации, но и ясное теоретическое обоснование (которого пока нет) природы когнитивного бессознательного.

Явления, относимые к сфере когнитивного бессознательного, часто характеризуются словами «имплицитный», «скрытый», «латентный» - это всегда что-то неуловимое, неявное, невидимое невооруженным глазом. И всё-таки целый ряд экспериментов демонстрирует нам, что мы нередко знаем, умеем, помним больше, чем кажется на первый взгляд.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (№ 07-06-00329а).

В исследованиях постгипнотической амнезии⁵ испытуемые запоминали список бессвязных слов до критерия полного заучивания, а затем им внушали, что они не могут вспомнить заученные слова. В тесте на свободное припоминание, т.е. в тесте на эксплицитную память, испытуемые не могли вспомнить ни одного слова из заученного прежде списка. Тем не менее, при выполнении ассоциативного (имплицитного) теста они значительно чаще случайного называли слова из заученного (а затем «забытого») списка. Также в исследовании имплицитного восприятия испытуемым в состоянии гипноза внушали, что они не могут ничего слышать одним из ушей. Однако при дихотическом слушании информация, подававшаяся на «глухое» ухо, влияла на ответы испытуемых, т.е. очевидно, всё же воспринималась, несмотря на внушенную «глухоту»⁶.

Одним из наиболее известных примеров изучения неосознаваемой обработки информации являются исследования подпорогового восприятия. В классических экспериментах Марсела применялся метод лексического решения, когда за словом-стимулом (праймом) следует целевой стимул, и испытуемому нужно решить, является ли целевой стимул словом. Принятие решения ускорялось, если прайм тоже представлял собой слово, в особенности, если это слово было из той же семантической категории, что и целевой стимул. Кроме того, Марсел использовал маскировку стимулов-праймов, так что испытуемые не могли уверенно их опознавать. И всё-таки эти праймы ускоряли выполнение задачи лексического решения. Семантический прайминг сам по себе требует некоторой семантической обработки, поэтому был сделан вывод о том, что смысловой анализ информации может осуществляться и без ее осознания.

Еще одна линия исследований, касающихся вопроса о возможностях когнитивного бессознательного – это исследования имплицитного научения, т.е. способности испытуемых использовать приобретенные на практике, но не осознаваемые правила. Наш каждодневный опыт подсказывает нам, что мы, по-видимому, знаем больше, чем можем выразить словами. Катание на велосипеде, игра в теннис, ведение автомобиля – все эти виды деятельности требуют владения сложными комбинациями моторных навыков, хотя мы обычно не можем объяснить, как именно мы их выполняем. Преимущество такого «способа познания» можно продемонстрировать на примере того, что маленькие дети быстрее собирают кубик Рубика, чем взрослые. Они используют «принцип имплицитного научения, просто играя с кубиком и, не думая, приобретают перцептивно-моторные паттерны, которые в итоге и “всплывают”, в то время как взрослые пытаются понять “как он (кубик) работает”»⁷. Это различие между нашей способностью дать вербальный отчет о своих действиях и реальным поведением характерно также и для более сложных познавательных актов. Имплицитные знания экспертов, которые на самом деле играют ключевую роль в принятии ими решений (например, диагностические навыки врачей), наши суждения в сфере социального взаимодействия или эстетического восприятия – все эти виды деятельности включают в себя «интуитивное» знание, к которому мы имеем очень ограниченный доступ⁸.

В некотором смысле примером имплицитного научения является усвоение языка, когда человек приобретает способность отличать грамматически верные предложения от неграмматичных, хотя и не может сформулировать правила, по которым построены предложения. А. Ребер попытался смоделировать этот процесс в лабораторных условиях, разработав искусственную грамматику, закономерностям которой подчинялись «правильные» последовательности букв. Испытуемых просили запомнить ряд из 20 буквенных последовательностей (например, PVPXVPS или PTTTVPS), которые объявлялись грамматически правильными (само правило не сообщалось). Затем им предъявлялись новые последовательности, причем некоторые из них (например, PTTTVPS) соответствовали правилу, а некоторые (например, PTVPXVSP) – нет. Ребер

обнаружил, что испытуемые могли отличать грамматически правильные последовательности от неправильных, хотя никто из них не мог сформулировать закономерность, которую они, очевидно, усвоили во время обучающей серии⁹.

Многочисленные исследования показали, что испытуемые могут имплицитно заучивать сложные закономерности, содержащиеся в предъявляемой информации, но это знание не может быть выявлено с помощью эксплицитных тестов¹⁰. К примеру, Ниссен и Буллемер продемонстрировали, что испытуемые, которым нужно было как можно быстрее и точнее реагировать на серию стимулов, в процессе выполнения задания заучивали правило, в соответствии с которым предъявлялись стимулы, но при этом они не осознавали даже того, что в стимульном материале вообще содержалась какая-то последовательность¹¹.

В 1992 году журнал «American Psychologist» посвятил целый номер дискуссии: «Является ли бессознательное умным или глупым?». Одни исследователи считают, что «примитивная система бессознательного способна справиться только с выявлением простых отношений, таких как связи между короткими последовательностями букв»¹². Другие придерживаются той точки зрения, что «в сравнении с сознательной обработкой процессы неосознаваемого приобретения знания протекают во много раз быстрее и являются структурно более изощёрнёнными»¹³. Во всех упомянутых выше экспериментах бессознательному предлагались относительно простые задачи: семантическая обработка одного слова, усвоение несложной закономерности, запоминание ряда элементов. Но помимо имплицитной памяти, имплицитного научения и подпорогового восприятия к сфере когнитивного бессознательного относят и феномены, которые можно было бы называть «имплицитным мышлением». О.К. Тихомировым при изучении глазодвигательной активности шахматистов было обнаружено, что они в процессе выбора хода осуществляли исследовательские действия неперцептивной природы, то есть проделывали мыслительные действия по решению задачи на неосознаваемом уровне. Кроме того, анализ временных соотношений между началом сдвига КГР и речевой реакцией в процессе решения шахматных задач показал, что состояние эмоциональной активации, «чувство близости решения», предшествует во времени даже появлению неопределённых речевых оценок. В некоторых случаях начало сдвига КГР опережало словесную оценку на 18 секунд!¹⁴ По результатам эксперимента можно сделать вывод о том, что решение на неосознаваемом уровне возникает гораздо быстрее, чем на сознательном.

Особый интерес в связи с темой информационных возможностей когнитивного бессознательного представляет изучение феноменальных счётчиков - людей, одаренных природной способностью быстрого бессознательного счёта. Один такой случай упоминает Г. Спитц: мальчик в шестилетнем возрасте мог правильно ответить на вопрос, сколько секунд в 2 тысячах лет ($=63\,072\,000\,000$), или сколько будет $12\,225 \cdot 1223$ ($=14\,951\,175$), и чему равен квадрат $1\,449$ ($=2\,099\,601$). В течение 10 секунд он мог ответить, сколько шагов (каждый длиной 3 фута) нужно сделать, чтобы пройти 65 миль, и т.д.¹⁵ Наличие феноменальных счётных способностей чаще отмечается у людей с умственной отсталостью ('idiots savants'). В литературе подробно описано умение таких людей, например, определять, какие числа являются простыми (делятся только сами на себя или на единицу). Они проделывают это, не обладая знаниями, необходимыми для пользования нужными в этой ситуации алгоритмами¹⁶. Но, пожалуй, наиболее известной считается их способность моментально решать задачу перевода календарных дат в дни недели. Их никто специально не обучает этим операциям, они не могут объяснить, как им это удаётся, они не умеют иногда справляться с простейшей арифметикой¹⁷. Важно отметить, что эта

способность проявляется только при условии, что интерес заставляет этих людей проводить значительное время, изучая календари¹⁸.

Проявления феноменальных способностей обычно даже не рассматриваются всерьез в разговоре о возможностях и функциях когнитивного бессознательного, поскольку пока что даже менее экзотичные эмпирические данные не имеют убедительной и общепринятой интерпретации. Стоит ли за множеством феноменов, предположительно демонстрирующих возможность неосознаваемого познания, нечто, именуемое когнитивным бессознательным? Некоторые авторы, отчаявшись ответить на этот вопрос, предлагают и вовсе отказаться от понятия когнитивного бессознательного. Так, например, П. Перруше и А. Винтер предприняли попытку создать «теорию, в которой когнитивному бессознательному нет места»¹⁹. Для многих исследователей подобная позиция может показаться неприемлемой – что же в таком случае делать со всеми обнаруженными феноменами: имплицитного научения, подпорогового восприятия и пр.? Однако если приглядеться повнимательнее, то можно увидеть, что проблема заключается не в когнитивном бессознательном самом по себе, а в том, как мы представляем себе сознание.

Перруше и Винтер рассуждают следующим образом. По их мнению, функция, которая чаще всего приписывается сознанию, – это обеспечение доступа к некоторым сферам функционирования когнитивных процессов. «Большинство утверждений, касающихся организации работы мозга и сознания, отражают идею того, что можно назвать “метафорой театра”. С этих позиций, основная функция сознания состоит в том, чтобы обеспечивать доступ к сфере неосознаваемого в мозге. <...> Классической метафорой для сознания было представление о “ярком пятне”, возникающем, когда луч света падает на сцену в темном зале театра. Практически все современные гипотезы о природе сознания и внимания можно рассматривать как варианты этой фундаментальной идеи»²⁰. В соответствии с этой метафорой, как считают Перруше и Винтер, сам процесс обработки информации должен осуществляться одинаково вне зависимости от того, есть ли сознательный доступ к этому процессу, или его нет.

Другими словами, считают они, если мы не можем объяснить, в чем принципиальная разница между сознательным и бессознательным, кроме той, что сознание обеспечивает некий доступ, то возникают сомнения в осмысленности такого разделения. И поскольку тот факт, что мы обладаем сознанием, нам более-менее очевиден, и отказаться от него было бы слишком рискованно, а эмпирические и теоретические доказательства существования когнитивного бессознательного вызывают возражения, то лучше отказаться от когнитивного бессознательного. Перруше и Винтер заявляют, что не существует неосознанных вычислений, усвоения абстрактных правил, неосознанного мышления и умозаключений. Критикуя идею когнитивного бессознательного, Перруше и Винтер в первую очередь отрицают понятие «неосознаваемых ментальных репрезентаций», иначе говоря, идею того, что образы, догадки, знания могут быть неосознанными. «Единственный вид репрезентаций, которые могут существовать – это репрезентации, находящиеся в данный момент в нашем ментальном феноменальном поле. Разумеется, репрезентации создаются нервными процессами, которые мы не можем осознавать. Таким образом <...> мы можем говорить о двух видах “психических событий”: о сознательных репрезентациях и о неосознаваемых процессах, которые генерируют эти репрезентации»²¹.

В качестве пояснения точки зрения Перруше и Винтер можно привести их вариант интерпретации результатов эксперимента, обычно рассматриваемого в качестве доказательства влияния автоматически протекающих когнитивных процессов на работу памяти. В экспериментах Л. Якоби²² испытуемые должны были вслух прочитать список имен малоизвестных людей (о том, что люди малоизвестны, испытуемым говорилось в

явном виде). Эта задача решалась в двух условиях — полного внимания и отвлеченного внимания (когда нужно было еще отслеживать появление чисел). На втором этапе эксперимента испытуемым предъявлялся другой список, в котором они должны были подчеркнуть имена всех упомянутых там знаменитостей. Некоторые имена действительно были очень известны, другие — нет. Среди неизвестных имен встречались и имена из первого списка. Оказалось, что если испытуемые зачисляются в категорию знаменитостей неизвестных лиц, то, как правило, из числа уже предъявлявшихся им в первом списке имен. Если бы испытуемые могли сознательно вспомнить, что слово уже предъявлялось в первом списке, то они не стали бы его выбирать, поскольку первый список по определению состоял из малоизвестных имен. Следовательно, включение имен из первого списка в число знаменитостей объяснялось автоматическими влияниями на память. Любопытно, что эффект псевдознаменитости был обнаружен даже в том случае, когда первый список зачитывался пациентам, находившимся под общим наркозом!²³ Перруше, Винтер и Галлего предполагают, что все методы, призванные продемонстрировать разделение между имплицитными и эксплицитными явлениями, на самом деле сравнивают между собой различные формы сознательного опыта, который возникает в результате работы неосознаваемых механизмов. Альтернативный вариант объяснения эффекта псевдознаменитости, предлагаемый Перруше, Винтер и Галлего, звучит так: испытуемые на самом деле помнили, что читали раньше эти имена, но не помнили, в какой конкретно ситуации эта информация была ими получена, т.е. что они видели эти имена в списке малоизвестных людей. Тот факт, что испытуемые не могут вспомнить, что видели раньше предъявляемый материал, указывает на влияние не имплицитного, а ослабленного эксплицитного знания²⁴. Что значит «ослабленное знание»? Перруше, Винтер и Галлего поясняют: «Большинство из нас знает, что Лондон — столица Великобритании, и наверняка некоторые из нас могут вспомнить, когда и где они узнали эту информацию, а некоторые — не могут. Это не означает, что знание о том, что Лондон — столица Великобритании, является эксплицитным в первом случае и имплицитным во втором — оно полностью осознанно в обоих случаях»²⁵. Так, всё дело в том, что мы просто не помним, в каком контексте мы получили то или иное знание, а совсем не в том, что оно «имплицитно». Но разве знание, например, о времени и месте, в которых мы узнали про Лондон, не является в данный момент неосознанным? Что имеется в виду под словом «забыто»? И где вообще оказывается любая не осознаваемая в данный момент, но известная нам информация? Да и зачем знанию становиться «ослабленным»? Трудно понять, как Перруше и Винтер могли бы дать ответы на эти вопросы.

По словам самих авторов, их задача «состоит не в том, чтобы показать, будто предыдущая концепция не имеет права на существование по каким-либо логическим или эмпирическим причинам. Такая цель требовала бы доказательства того, что сознание необходимо для любых видов когнитивных процессов. Однако это невозможно: не существует никаких теоретических оснований для того, чтобы утверждать, что репрезентации или процессы вычисления непременно должны быть сознательными. Более того, чрезвычайно сложно было бы привести эмпирические доказательства этому: демонстрация “несуществования” неосознаваемых конструкций находится за пределами возможностей эмпирического исследования»²⁶. Впрочем, не все то, что находится за пределами эмпирических исследований, является ненаучным. Любая теория оперирует абстрактными, ненаблюдаемыми и даже идеализированными объектами²⁷.

Мы склонны сохранить представление о когнитивном бессознательном. Более того, мы утверждаем, что в психике человека ничто не делается с целью «ухудшить», «ослабить» или «забыть», и любые ошибки (то, что мы считаем ошибками) являются не свидетельством недостатков или ограничений сознания, а результатом познавательной

деятельности человека. Мы принимаем позицию когнитивизма: всё происходящее в психике следует объяснять исходя из логики познания²⁸. И все закономерности организации работы психики, в том числе любые ограничения на переработку информации, определяются исключительно логикой познавательной деятельности, а не, например, задачами биологической адаптации или нейронными процессами в мозге. Таким образом, вводится идеализация: идеальный мозг не имеет никаких ограничений на прием, переработку и хранение информации, предполагается также, что идеальный мозг автоматически выделяет все потенциальные закономерности в предъявляемых сигналах. В реальности наличие физиологических ограничений на работу мозга не отрицается, но предполагается, что они являются настолько менее мощными, чем ограничения, накладываемые логикой познавательной деятельности, что не должны использоваться при объяснении психических явлений. Принятие такого допущения подразумевает, что в теории все процессы, связанные с нахождением закономерностей — формирование и распознавание образов, конструирование понятий, решение задач и т. п. — осуществляются мозгом автоматически.

Что значит – познавать мир успешно? Каким способом можно установить, что возникающие в психическом плане образы внешнего мира соответствуют этому самому миру? Один из вариантов решения этой проблемы восходит к Платону, который предложил путь воспоминания: сознание сличает свои представления с хранящимися в памяти заведомо правильными идеями. Переведем идеи Платона на язык когнитивного бессознательного. Правильные идеи лежат в сфере неосознанного, где информационные процессы протекают абсолютно быстро и точно (идеальный мозг знает больше сознания!). Сознание же пытается догадаться об этих идеях и сличает с ними свои догадки.

Правомерность введенной идеализации во многом подкрепляется эмпирическими фактами. Мы уже рассмотрели примеры того, как люди могут неосознанно осуществлять разного рода когнитивную деятельность (воспринимать, запоминать, устанавливать связи и закономерности, научиться). Представление о неограниченных способностях когнитивного бессознательного позволяет приблизиться также к пониманию природы феноменальных способностей. Кроме того, этот подход позволяет объяснить и другие нетривиальные экспериментальные результаты.

В исследовании одного из авторов данной статьи²⁹ испытуемым, которые не обладали особыми вычислительными умениями, предлагалось решать задачу перевода дат в дни недели (которая, как было указано выше, оказывается под силу лишь феноменальным счетчикам). Естественно, что испытуемые ошибались. Однако обнаружилась тенденция повторять предшествующую ошибку или предшествующий правильный ответ. Но ведь чтобы повторить ошибку, надо вначале вычислить правильный ответ, вспомнить отклонение, сделанное в предыдущей пробе, а затем повторить его! В другом эксперименте испытуемым предъявлялся ряд величин в градусах, выраженных шестизначным числом. Требовалось определить, в каком квадранте лежит данный угол. Чтобы выполнить это задание, нужно было разделить предъявленное число нацело, а по остатку определить квадрант. Но испытуемых просили дать первый пришедший в голову ответ, а не производить вычисления. И здесь испытуемые были склонны повторять ошибки.

Другим автором статьи³⁰ также было получено, что человек способен неосознанно выполнять сложные арифметические операции. Испытуемым предъявлялись сложные арифметические задачи (нужно было определить корень третьей степени шестизначного числа) с двумя вариантами ответов: правильным и неправильным. Нужно было, не проводя никаких вычислений, как можно быстрее угадать, какой из них является правильным. Через два дня испытуемым предъявлялись те же задачи, но к предыдущим

вариантам ответа был добавлен ещё один неправильный ответ. Испытуемые не узнавали ни сами задачи, ни варианты ответов. На основании того, что количество выбранных правильных ответов в обеих сериях было близко к результату случайного выбора, а также субъективных впечатлений испытуемых можно было предполагать, что ответы действительно выбирались наугад, т.е. испытуемые не занимались сознательным решением примеров. И несмотря на это они были склонны повторять однажды выбранные правильные ответы! При этом тенденция к повторению правильного ответа не была связана со стремлением просто повторять любой сделанный выбор: повторный правильный выбор происходил чаще, чем повторный неправильный.

Говоря о работе сознания и когнитивного бессознательного, мы сталкиваемся сразу с несколькими удивительными закономерностями. С одной стороны, психика обладает чрезвычайно мощными возможностями переработки информации, а с другой стороны – и это известно каждому – люди почему-то постоянно допускают ошибки. Мы предполагаем, что деятельность механизма сознания состоит в построении различных догадок об устройстве окружающего мира и их проверке. Собственно, кроме этих предположений в сознании и не находится ничего другого. Если сознание перестает работать с информацией и строить гипотезы о закономерностях, связанных с ней, то эта информация перестает восприниматься. Именно поэтому неизменная информация очень быстро ускользает из сознания или начинает изменяться (изображения, стабилизированные относительно сетчатки, т.е. не изменяющиеся даже при движении глазных яблок, уже через 1-3 с. исчезают из сферы осознания). Фактически человек не воспринимает предъявляемые стимулы, однако это является не свидетельством «слабости» возможностей психики, а следствием принципов ее работы.

Другой тип проявляющихся в деятельности ошибок связан с тем, что сознание, создавая свою теорию мира, все же занимается построением догадок, а, поскольку это всего лишь предположения, они далеко не всегда оказываются верными. Угадывая различные закономерности окружающего мира, сознание приписывает закономерную связь явлениям даже тогда, когда ее объективно не существует. Более того, сознание вынуждено считать закономерными и результаты собственной работы и действует в соответствии с этими ожиданиями (пусть даже неверными), заведомо считая их правильными. Но иногда это приводит к ошибочным действиям.

Так, занимаясь подтверждением собственных гипотез, сознание не рассматривает альтернативные объяснения связи явлений, не ищет контрпримеры, опровергающие выбранное предположение, а осуществляет только те проверочные операции, выполнение которых может привести к результату, соответствующему найденной закономерности. П.С. Васон³¹ (Уйэсон) предлагал испытуемым продолжить ряд из трех цифр – 2, 4, 6. Каждый раз испытуемые добавляли еще три числа, а Васон сообщал им о том, соответствует ли названный ряд загаданному правилу или нет. Испытуемые были должны прервать эксперимент, как только становились уверенными в том, что нашли верную закономерность. Обычно участники исследования изначально предполагали, что это ряд четных чисел, а поэтому, продолжив ряд числами 8, 10, 12, а затем 14, 16, 18, довольно скоро приходили к убеждению о том, что нашли правило. На самом деле они ошибались: ряд был составлен по принципу возрастания чисел (независимо от их четности). Фактически, испытуемые занимались только тем, что искали подтверждающие доказательства и не пытались обнаружить опровергающие примеры, что и приводило к возникновению ошибок.

Нередко возникновение ошибок связано с деятельностью сознания в ситуации, которая содержит информацию, противоречащую ожиданиям. Поскольку сознание считает свои гипотезы всегда верными, то при столкновении с информацией, не

соответствующей сделанным догадкам, вынуждено либо изменять эту информацию так, чтобы она перестала им противоречить, либо и вовсе не воспринимать ее. Сказанное соответствует обнаруженному Л. Фестингером явлению сглаживания когнитивного диссонанса и описанному Фрейдом феномену вытеснения. Исследования когнитивного диссонанса открывают интересную закономерность: оказывается, если человеку удастся оправдать собственную гипотезу, искусственно изменив информацию, которая ей не соответствует, то это способствует увеличению субъективной уверенности в правильности выдвинутого предположения. В исследовании В.Л. Волохонского³² испытуемые дважды (с интервалом в три недели) отвечали на вопросы, формулировка которых содержала какую-либо привязку для ответа, и давали оценку степени уверенности каждого ответа. Вот пример одного из вопросов: «В трехлитровую банку влезает больше 17 кленовых листочков. Сколько кленовых листочков влезает в трехлитровую банку?». При повторном предъявлении вопросов наблюдалось значимое смещение ответов в сторону привязки (по сравнению с ответами, данными в первый раз). Кроме того, испытуемые были уверены в этих ответах гораздо сильнее! Такая закономерность является результатом сглаживания когнитивного диссонанса, возникающего при первом предъявлении вопроса. На первом этапе эксперимента содержащаяся в вопросах привязка влияла на ответы испытуемых, а потому возникало противоречие между теми ответами, которые давали испытуемые, и ответами, которые могли бы дать, если бы привязки не было («точка истинного ответа»). Сглаживание когнитивного диссонанса приводило к смещению точки потенциального ответа в сторону привязки, а потому на втором этапе ответы оказались еще ближе к ее значениям.

Психоаналитическая теория Фрейда сама по себе плохо поддается экспериментальной проверке, но при изучении закономерностей памяти оказывается, что сознание на самом деле действует так, как будто не замечает совершенных ошибок (другими словами, вытесняет их). Так, в исследовании одного из авторов статьи³³ испытуемые в парах по очереди и вразброс называли станции Санкт-Петербургского метрополитена. Участники старались не повторяться, но, тем не менее, допускали ошибки. На втором этапе оказалось, что испытуемые способны верно опознать ошибки, совершенные ими только в 31% случаев. Напротив, ошибки, допущенные на первом этапе их партнерами, выделяются намного чаще (приблизительно в 57% случаев).

Несмотря на упорство сознания в стремлении подтвердить собственные догадки, оно все-таки способно их корректировать (при их сильном расхождении с действительностью). Однако, начиная работу с информацией, сознание использует самые слабые требования к соответствию собственных предположений закономерностям окружающей реальности. Другими словами, сознание изначально проверяет тот вариант гипотезы, который почти наверняка окажется соответствующим реальности, что снижает точность восприятия и способствует появлению ошибок. Так, описание стадий восприятия короткого (от 3-4 мс до 500 мс) синусоидального тона показывает, что при очень коротких длительностях человек слышит не чистый тон, а треск. На следующей стадии уже слышен звук, похожий на щелчок, воспринимаемый как звук определенной высоты. Затем уже различимы два треска: один при включении, другой — при выключении звука, а в промежутках между двумя тресками воспринимается звук установившейся высоты. Но ведь любой звук при слабых критериях соответствия может быть отождествлен с треском или щелчком, а потому при условии затрудненного восприятия (кратковременного предъявления) сознанию оказывается выгодным допустить незначительную ошибку (вместо определенного тона «услышать» только треск), а потом уточнить исходную догадку.

Достижение истины тесно связано с возможностью совершения ошибки. В этом смысле, «истина рождается в споре» - дискуссии когнитивного бессознательного, которое способно как зеркало отражать все закономерности окружающей действительности, и сознания, которое стремится догадаться о них и вписать обнаруженные связи в общую картину мира.

Литература:

- ¹ Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: A Perspective on Intuitive Judgment and Choice, Nobel Prize Lecture, December 8, 2002.
http://nobelprize.virtual.museum/nobel_prizes/economics/laureates/2002/kahnemann-lecture.pdf
- ² Kihlstrom J.F., Barnhardt T.M., Tataryn D.J. The Psychological Unconscious: Found, Lost, and Regained // *American Psychologist*, 1992, Vol. 47, Issue 6, p. 788-791.
- ³ Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное. // *Вопросы психологии*, 1996, № 6, с. 125-131.
- ⁴ Cleeremans A. Principles for Implicit Learning. // Berry D. (Ed.), *How implicit is implicit learning?*, Oxford., 1997, p. 196-234.
- ⁵ Kihlstrom J.F. The psychological unconscious. // Pervin L. (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research.*, New York., 1990, p. 445-464.
- ⁶ Kihlstrom J.F. The psychological unconscious. // Pervin L. (Ed.), *Handbook of personality: Theory and research.*, New York., 1990, p. 445-464.
- ⁷ Claxton G. Investigating human intuition: knowing without knowing why // *Psychologist*. 1998, Vol. 11, No 5, p. 217-220.
- ⁸ Cleeremans. A. Conscious and unconscious processes in cognition. // *In International encyclopedia of the social and behavioral sciences*, Vol. 4, p. 2584-2589, Elsevier, 2001.
- ⁹ Reber A.S. Implicit learning and tacit knowledge. // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1989, Vol. 118, No 3, p. 219-235.
- ¹⁰ Cleeremans A., McClelland J.L. Learning the structure of event sequences. // *Journal of Experimental Psychology : General*, 1991, Vol. 120, No 3, p. 235-253.
- ¹¹ Cleeremans. A. Conscious and unconscious processes in cognition. // *In International encyclopedia of the social and behavioral sciences*, Vol. 4, p. 2584-2589, Elsevier, 2001.
- ¹² Klapp S.T., Hinkley L.B. The Negative Compatibility Effect: Unconscious Inhibition Influences Reaction Time and Response Selection. // *Journal of Experimental Psychology: General*, 2002, Vol. 131, No 2, p. 255-269.
- ¹³ Lewicki P., Hill T., Czyzewska M. Nonconscious Acquisition of Information. // *American Psychologist*, 1992, Vol. 47, Issue 6, p. 796-801.
- ¹⁴ Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984, с. 34-86.
- ¹⁵ Spitz H.H. The Role of the Unconscious in Thinking and Problem Solving // *Educational Psychology*, 1993, Vol. 13, Issue ¾, p. 229 - 244.
- ¹⁶ Welling H. Prime Number Identification in Idiots Savants: Can They Calculate Them? // *Journal of Autism and Developmental Disorders*, Vol. 24, No. 2, 1994.
- ¹⁷ Howe M.J.A., Smith J. Calendar calculating in 'idiots savants': How do they do it? // *British Journal of Psychology*, 1988, 79, p. 371-386.
- ¹⁸ Howe M.J.A., Davidson J.W., Sloboda J.A Innate talents: Reality or myth? // *Behavioral and Brain Sciences*, 1998, 21, p. 399-442.
- ¹⁹ Perruchet P., Vinter A. The self-organizing consciousness. // *Behavioral and Brain Studies*, 2002, Vol. 25, No 3, p. 297-388.
- ²⁰ Baars, B. J. Metaphors of consciousness and attention in the brain. // *Trends in Neurosciences*, 1998, Vol. 21, No 2, p. 58-62.
- ²¹ Perruchet P., Vinter A. The self-organizing consciousness. // *Behavioral and Brain Studies*, 2002, Vol. 25, No 3, p. 297-388.
- ²² Jacoby L. Invariants in the automatic influences of memory. // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 1998, Vol. 24, No 1, p. 3-26.
- ²³ Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. — Т. 1 / Борис М. Величковский. — М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2006, т.1, с. 314.
- ²⁴ Perruchet P., Vinter A., Gallego J. Implicit learning shapes new conscious percepts and representations // *Psychonomic Bulletin & Review*, 1997, Vol. 4, No 1, p. 43-48.
- ²⁵ Perruchet P., Vinter A., Gallego J. Implicit learning shapes new conscious percepts and representations // *Psychonomic Bulletin & Review*, 1997, Vol. 4, No 1, p. 43-48.
- ²⁶ Perruchet P., Vinter A. The self-organizing consciousness. // *Behavioral and Brain Studies*, 2002, Vol. 25, No 3, p. 297-388.
- ²⁷ Аллаhverдов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип идеализации // *Методология и история психологии*, 2007, вып. 2, с.147-162.
- ²⁸ Аллаhverдов В.М. Когнитивизм // *Психологический лексикон. Энциклопедический словарь. Общая психология* (под ред. А.В. Петровского). М., 2005, с.55-56.
- ²⁹ Аллаhverдов В.М. Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции) – СПб: Изд-во «Печатный двор», 1993, с. 87-90.
- ³⁰ Науменко О.В. Неосознанный процесс решения арифметических и логических задач // *Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллаhverдов и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. с.48-67.*

³¹ Майерс Д. Социальная психология: Интенсивный курс: Пер. с англ. / Д. Майерс. - 4-е междунар. изд. - СПб.; М.: Прайм-Еврознак; Олма-Пресс, 2004, с. 73-74.

³² Волохонский В.Л. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллахвердов и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. с.229-236.

³³ Воскресенская Е.Ю. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллахвердов и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. с.243-255.